

— Не беспокойся, желающих отметить со мной день рождения — хоть отбавляй! Нынче не то что раньше, число тех, кто хочет мне угодить, отсюда и до Восточной улицы не пересчитать! — Сказал и тут же захотел дать себе пощёчину — чёртов язык! Неужели нельзя было помолчать?!

— Это хорошо. Принёс тебе несколько кунжутных лепёшек, можешь перекусить. Я пойду, зайду через несколько дней.

Едва Ляо Цюли договорил и собрался выйти, как Сяо Юй резко вскочил с кровати и вцепился в него мёртвой хваткой, не давая уйти. Он стащил его вниз, прижал к кровати. Их взгляды встретились, и в глазах Ляо Цюли явственно читался страх — как у подстреленной птицы, попавшей в лапы охотника: он дрожал, и сил вырваться не оставалось. С самого начала и до конца это был страх.

Сяо Юй поспешно разжал пальцы, тяжело дыша, отступил в сторону, стараясь успокоиться. В тишине, длившейся некоторое время, этот упрямец тихо проговорил:

— ...Я солгал... Мне вовсе никто не собирается отмечать день рождения. В этом году, как и в прошлые, я снова буду один-одинёшенек. Кроме тебя, никто и не вспомнит, что послезавтра мой день рождения... Не уходи, побудь со мной.

Так они и лежали на спине, глядя в потолок, тихо и неподвижно. Кровать была широкая, места хватило бы на нескольких человек. Они лежали по разные стороны, далеко друг от друга, не глядя один на другого, и оба ощущали странную грусть — будто были так близко, и в то же время разделяла их целая бездна.

— Лицзы, я хочу подержать тебя за руку, можно? Только подержать, ничего больше.

Рот спрашивал «можно?», а рука уже, не дожидаясь ответа, сама потянулась и обвилась вокруг другой.

Та рука слегка дёрнулась, пытаясь уклониться, но, не сумев избежать, смирилась.

Одна ладонь обхватила другую, небольшая часть их тел соприкоснулась, но между большей частью оставалось расстояние в две руки. Приближаться, отдаляться, внутри, снаружи... Оказывается, любить кого-то так нелегко.

— ...Ты же говорил, что сегодня ярмарка, пойдём?

Хотя соприкасалась лишь малая часть их тел, исходящее от неё тепло было ощутимым. Руки сплелись ненадолго, и ладонь Сяо Юя постепенно стала влажной от пота. Рука Ляо Цюли тоже стала липкой, ему стало неловко, и он попытался перевести разговор:

— Если идти на ярмарку, то ведь нельзя же всё время валяться на кровати? Поднявшись с постели, разве можно всё время ходить, держась за руки?

— Пойдём! Сейчас же?

Сяо Юй действительно подскочил с кровати, но руку не отпустил, а, наоборот, потянул, поднимая и другого:

— На повозке поедем или верхом?

В глубине души он надеялся на лошадь: верхом хорошо, можно сидеть вплотную друг к другу, а когда никто не видит, украдкой поцеловать в затылок или ещё куда — очень удобно.

— Я поеду на повозке.

То есть: хочешь — скачи на лошади, а я предпочитаю повозку.

Он и ожидал такого ответа, поэтому ничего не сказал, лишь поспешил приготовиться — уже хорошо, что тот согласился пойти с ним на ярмарку. Сразу всего не добьёшься, нужно двигаться постепенно.

Сегодняшняя ярмарка была последней в новогодний период — двадцатого числа первого месяца все ларьки должны были свернуться, и желающим погулять пришлось бы ждать следующего года. Им ещё повезло — они успели на девятнадцатое. Последний день, народу — тьма, торговцев — видимо-невидимо, фокусников и актёров — хоть отбавляй, да и зевак собралось немало. Толпа сжималась, и их несколько раз разлучала людская волна. Сяо Юй, пробираясь сквозь толпу, устал и разозлился — злился на того, кто ни за что не хотел, чтобы его вели за руку, твердя, что двум взрослым мужчинам идти под руку при стольких зрителях — несолидно. И что теперь? Потерялись, и где искать — неизвестно. Когда он, наконец, пробившись сквозь людское море, отыскал его, то, не говоря ни слова, крепко схватил за руку. Тот попытался вырваться, но Сяо Юй лишь бросил на него взгляд:

— Вырывайся. Вырвешься — сделаю что-нибудь ещё более неподобающее, хочешь — проверь! Пробуй!

Взгляд у вояки был свирепый, в нём читались и решимость, и угроза, ясно давая понять: сказал — сделаю, а если не веришь, могу тут же продемонстрировать «единство слова и дела»!

В окружении стольких людей Ляо Цюли не хотел выставляться на посмешище, поэтому молча позволил вести себя за руку.

Тот шёл впереди, статный и высокий, словно авангард, прокладывающий путь. Шёл, и если проход был свободен — проходил, если нет — останавливался и ждал, пока загородившие дорогу посторонятся. Те, кто обычно перекрывал путь, были слишком увлечены зрелищем, чтобы смотреть по сторонам. Когда генерал Сяо вставал позади них и просто стоял, через некоторое время они непременно оборачивались и посторонялись. Неизвестно, то ли действовало его пленительное, лисьё лицо, то ли исходящая от него убийственная аура, но способ работал — куда бы он ни пошёл, люди расступались. Своим телом он прокладывал ему

дорогу, а в особенно людных местах возвращался, обнимал его одной рукой, прикрывая от невнимательных локтей и ног, чтобы его не толкали, не задевали и не наступали на него.

Народу было слишком много, невозможно было нормально погулять, невозможно было как следует всё рассмотреть, а в такие моменты легче всего было попасть в переделку. Лучше уж найти чайную, сесть и попить чаю.

— Может, не будем больше гулять, найдём чайную и посидим?

— И то верно. В какую?

— В ту, что напротив «Тяньцзюйхэ». Когда придёт время обеда, зайдём перекусить в «Тяньцзюйхэ», а после полудня ходим на Западную улицу, на рынок картин. Говорят, в последнее время там появилось много новых сюжетов. Ты ведь любишь на них смотреть, потом пойдём вместе. — Генералу Сяо, представившему, как они сегодня целый день будут «клеиться» друг к другу, на душе стало сладко и тепло.

— ...В ресторан идти? Лучше бы купить свежих продуктов и приготовить самому.

Семья Ляо редко ходила в рестораны — разве что по неотложным делам, в основном же ели дома, так уж привыкли. Конечно, это позволяло экономить, но главное было в привычке — просто казалось, что домашняя еда вкуснее уличной, в ней чувствовался вкус семьи.

— ...Туда-сюда бегать — слишком хлопотно. Давай просто перекусим в заведении, а? — Генерал Сяо тоже метался. Ему, конечно, хотелось дома, «чтобы ты разжигал огонь, а я готовил», но, подумав, что после обеда Ляо Цюли наверняка сбежит, он передумал. Взвесив все за и против, он с болью в сердце решил упустить эту возможность — в конце концов, будет ещё следующий раз, а сегодня он умрёт, но поест в ресторане!

— М-м.

От Северных ворот, где проходила ярмарка, до переулка Цзюйэр, где находился маленький двор Сяо Юя, и правда было неблизко, туда и обратно — минимум полтора часа. Да и на рынок картин ему хотелось посмотреть, так что можно было поесть и вне дома.

Конечно, до обеденного времени было ещё далеко, нельзя же было прийти и сидеть с утра. Они нашли напротив тихую на вид чайную, поднялись на второй этаж в уединённую комнату, сели пить чай и наблюдать за уличной суетой. На ярмарке сохранился старый обычай — шествие городского бога. Шестнадцать молодых крепких парней несли статую владыки города впереди, а за ними толпился народ, разодетый в яркие одежды, — ходулисты, лодки на суше, янгэ... Все мужчины, и, приплясывая и покачиваясь, они ещё и перебрасывались шутками, подначками, веселя собравшихся зевак.

Ляо Цюли уже лет десять как не видел всерьёз шествия городского бога. Теперь же он смотрел молча, с большим интересом, а в особенно занятных местах даже сдерживал улыбку. Увлёкся

так, что подолгу держал чашку в руках, забывая отпить. Сидевший напротив, рождённый в уксусной бочке, видя, как у того глаза прикованы к уличному веселью, занервничал. Тихонько протянул ногу и дёрнул того, кто весь ушёл в созерцание, вернув его к действительности, и капризно заявил:

— Что там смотреть? Лучше на меня смотри! У городского бога лицо в жёсткой щетине, тупое и чёрное, разве в нём есть хоть капля моей привлекательности?!

Слова его вызвали у Ляо Цюли смех — давно он так не смеялся. Смеясь, он на время забыл о своём страхе и, словно много лет назад, принялся поддразнивать его:

— Конечно, городской бог не сравнится с тобой в красоте. Ты такой красавец, все любят на тебя смотреть! Всё прочее не в счёт, но мне твоё лицо очень нравится!

Произнеся это, он лишь тогда осознал, какую ужасную вещь сказал. Смущение и стыд сковали его, он поспешно поднёс чашку к губам, сделав глоток, чтобы скрыть замешательство.

<http://bllate.org/book/15507/1377449>